

К 536/42r

К Р О К О Д И Л

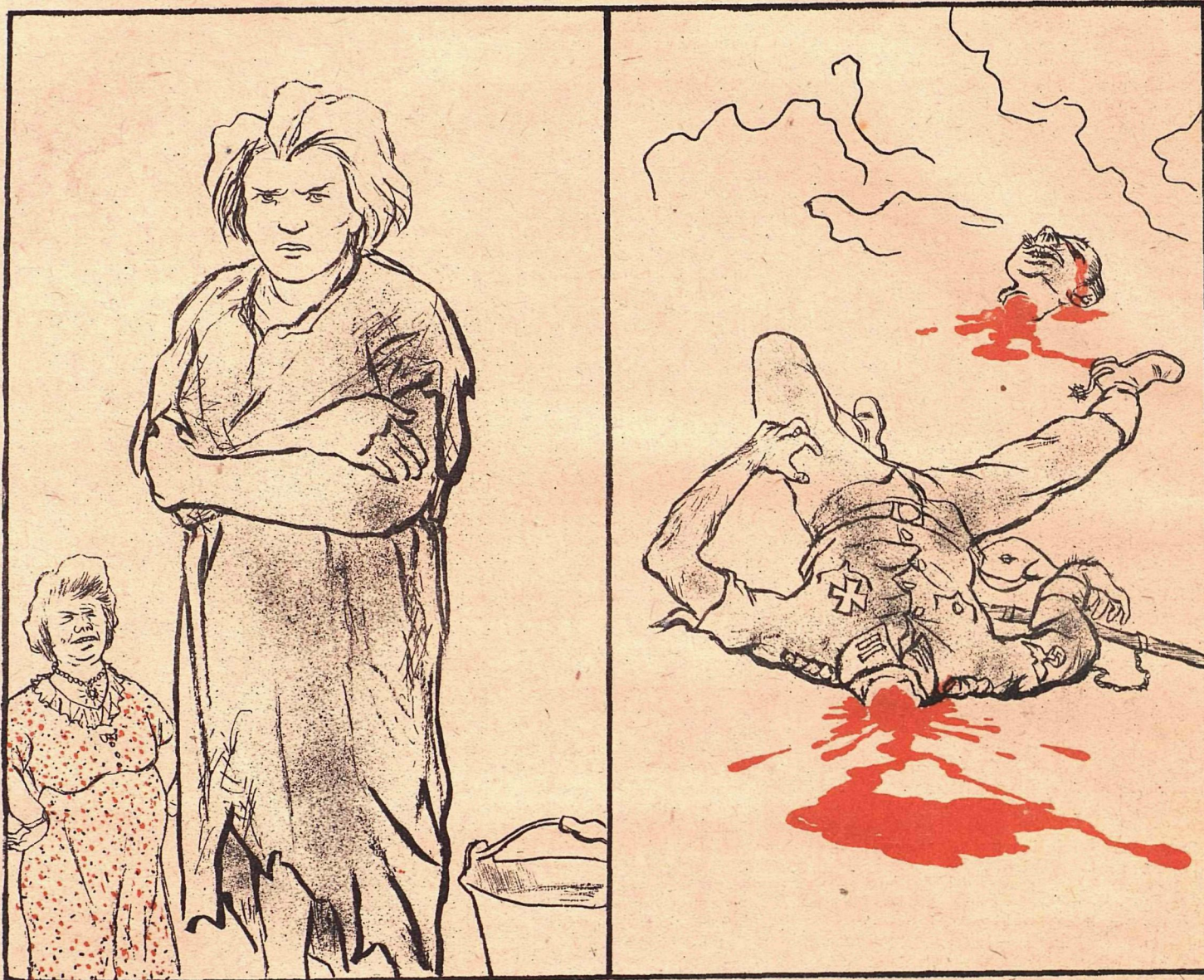

Рис. Ю. Ганфа

СЕРДОБОЛЬНЫЙ ГЕББЕЛЬС

— На волнуйтесь, фрау Германия, хотя мы с вас и сняли одежду, но, как видите, совсем раздетой мы вас не оставляем.

Рис. И. Семенова

Фрау Марта заплатила за русскую женщину
100 марок.

А муж фрау Марты, ефрейтор Ганс, заплатил за
нее же своей головой.

Василий Пуляев ✓

Перед первым в жизни боем
Был Пуляев неспокоен,
Парень хмурил бровь.
И не то что был он трусом:
Вредной мухой был искусан —
Глупость вьелась в кровь.
Все вздыхал Василь и думал:
«Против фрица как пойду, мол?
Фриц железный, он живучий,
У него оружие лучше.
Трудно бить его. Куда там
Следить с ихним автоматом!...»
Задело на востоке,
Завязался бой жестокий,
Засвистал свинец.
Наши бились крепко, чисто.
Но взбесились псы-фашисты:
Чуют свой конец.
Не уйти им юг капута,
Гансы, фрицы потому-то
Лезут на рожон.
И попал в беду Василий:
Фрицы Васю окружили —
Трое с трех сторон.

Вася глянул и увянул,
Вдруг взъярился и воспрянул:
— Этому не быть!
Не хочу! Живым не дамся
В лапы фрица или ганса,
Лучше их убить!
Эй, не дрейфь, Пуляев! Выстой!
Грянул васин мелкий выстрел,
Виден результат:
Аккуратны наши диски,
Замечательный российский
Знатный автомат!
Пули к ним не хороши ли?
Попляди: насквозь прошили
Людоедов двух.
Фрицы, вишь, не из железа,
Приутихи и не лезут:
Вышел глухой дух.
— Жив один еще! Не мешай! —
Вася двинул перебежкой
И прикладом — трах!
Лоб у фрица тверд, известно,
Но... фашистский череп преснул,
Разлетелся в прах.

Вася сметку обнаружил:
— Значит, с нашим-то оружием
Все идет на лад!
Ведь не сдал перед нагрузкой
Наш солидный, крепкий русский
Правильный приклад!
Стал смеяться боец Василий:
«Стало быть, я в полной силе,
Тройку уложив!
Стало быть, поганым фрицам
Носом в пыль пришлось зарыться,
Я ж, выходит, жив!
Стало быть, фашистов можно
И не то что можно — должно
Очень крепко бить!
Стало быть, теперь я умный,
Прав ты, этак размышляя:
Надо зарубить!»
Верно, друг Василь Пуляев,
Прав ты, этак размышляя:
В схватке не робей.
Главное: спокойно действуй,
Храбрый хваткою гвардейской
На смерть фрицев бей!

В. ГРАНОВ

Дважды два

Иллюстрации Ю. Ганфа

Она и она разговорились на трамвайной остановке.

Был закат на том месте, где ему полагалось быть. Были прохладные сумерки. И пепельное облако пыли было от промчавшейся машины. И водой из арыка поливали уставшую за день мостовую. И были его глаза, смотревшие в ее глаза.

Словом, было все, что нужно человеку; не было только трамвая. И не было уже давно.

Как известно, дожидаясь таикентского трамвая, можно защитить докторскую диссертацию на самую сложную тему, можно, заняв место в очереди, быстренько съездить в Алма-Ату и обратно, вернувшись к самому трамваю.

Итак, она и она разговорились на трамвайной остановке.

Это был совершенно заурядный, ничем не примечательный разговор:

— Как долго нет трамвая!..

— Да, опять застрял где-то.

— Ну, и жарыща была сегодня!

— Ой, не говорите.

И тому подобное. Девушка была из тех, что любит каждую фразу начинать междометием «ой». «Ой, здравствуйте», — говорит обычно такая девушка. «Ой, как давно я вас не видала». «Ой, я так занята...». «Ой, что это у вас за книга?» «Ой, читала, читала!». «Ой, я побежала. До свидания».

Вообще говоря, ойканье это иногда надо. Но девушка ойкала так мило, что ему это даже нравилось. Он был совсем еще молодой паренек. Курносый немножко. И с очень белыми зубами. Это запомнилось в нем прежде всего. Он часто улыбался. И ей это почему-то очень нравилось. Трамвая все не было. И разговор продолжался.

Она студентка, наверно? — Ой, да! А почему он догадался? — Так вот, догадался. Он вообще догадливый. — Ой, как здорово! А он тоже студент? — Нет, он работает на заводе. — На каком? — Так, на одном. — Она понимает, что не на двух! Но какой именно завод? — Энский! — Ой, вот как? Ну, пожалуйста, пусть энский. Но большой он, маленький, что это за завод? — Ничего особенного, средний. — Ой, что значит средний? Ведь заводы разные бывают. На одном сто человек работают, на другом тысячи. А на вашем?

И вот тут ярко сверкнули ослепительные зубы паренька.

— У нас работает сорок человек! — внятно сказал он.

— Ой, как сорок? На всем заводе сорок? Почему сорок?

— А потому сорок, что дважды два четыре, а ноль тому, кто задает такие вопросы!

Девушка не успела даже ойкнуть. Сначала загрохотали ожидавшие трамвая граждане. Потом, наконец-то, загрохотал и сам трамвай. Пришел-таки долгожданный! Пришел и ушел, увозя и его, и ее, и неоконченный их разговор.

Что ж, товарищи, стоим на остановке, пождем следующего трамвая. Ждать придется долго, потолкуем немного. Вот мы слышали разговор. Как вы к нему относитесь? Да, да,

вы, именно вы, девушка в розовом. Чего же вы смеетесь? Вас спрашивают совершенно серьезно. Ну, пожалуйста! Так, так, значит, он «противный задавака», а она сама виновата, пусть не разговаривает с незнакомыми? Допустим. Ну, а вот вы вчера разговаривали со знакомым. Даже с юным хорошим знакомым. Как же, вы танцуете с ним второй месяц! Кстати, откуда вы его знаете? Ах, Зина познакомилась. Они вместе учились, кажется? Или нет.

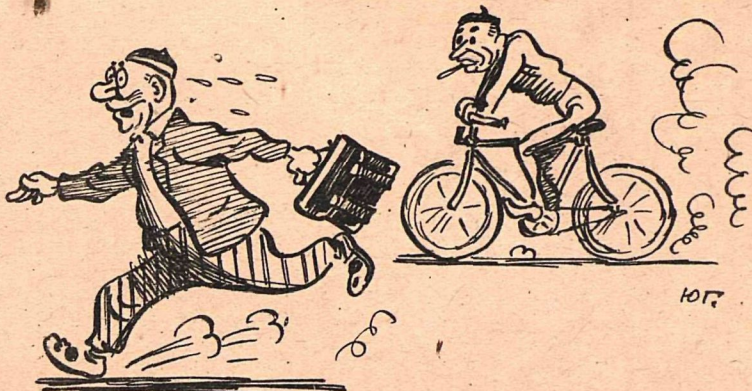
Надя, он ее сослуживец. Одним словом, это вариант приятель, он вместе с ней был в доме отдыха. Ну, и что же? Ну, и разговаривали. Да, разговаривали. Он вас, собственно, ни о чем не спрашивал. Вы сами сказали, что у вас «жутко секретная работа». Сказали так, между прочим. Ну, а если он вас завтра спросит: давно ли вы там работаете? Знаете что, так, по-простому, по-товарищески, очень вам советуем: вспомните этот разговор и внятно отвечайте — сорок лет! Почему сорок? А потому, что дважды два четыре. А ноль тому, кто задает такие вопросы! Пусть даже задает их без особого умысла. А все-таки — ноль. Так оно вернее. Поняли, девушка?

Ну, а вы что скажете? Да, да, вы, товарищи, седые усы и портфель. Вы ведь тоже слышали весь разговор? Так, так, вы не мальчик, в наставлениях не нуждаетесь. Чудесно! У вас самого еще надо поучиться, как держать язык за зубами? Великолепно! Но только разрешите задать вам один малюсенький вопросик. В левом ящике вашего стола лежит сейчас бумага за номером... Ну, скажем, за номером сорок. Потому что дважды два четыре? Совершенно верно. Так вот, уходя с работы, вы заперли этот ящик? Ах, заперли? Чудесно! Два раза повернули ключ? Очень хорошо! Дурацкий вопрос? Великолепно! Пойдите! Куда же вы, гражданин? Кто бы мог подумать, что с такими усами и с таким портфелем можно обогнать велосипед на полном ходу?

Ну, а вы чего задумались, молодой инженер в белой фуражке? Почему невесело ваше молодое лицо? Или вы вспомнили ваш утренний визит в одно очень ответственное городское учреждение? Все, все знаем. И будку знаем посреди площади. И пропуска там получали в упомянутое учреждение. И стояли в очереди у телефона в этой будке. И просили по этому телефону распорядиться о пропуске. И знаем, что двадцать человек слышали, как вы объясняли по телефону, что завод ваш эвакуирован, а производит он то-то и то-то, а список у вас на столько-то человек. Эх, товарищ инженер, товарищ инженер!

Есть еще у нас такой разговорчик: это, мол, на фронте дерутся с врагом, а у нас тыл. До нас ехать не дохоть, лететь не долететь. Короче говоря, можно и по телефончику лишнее сболтнуть и корешу приятелю утереть нос любопытным документиком («Только тебе одному, Ваня, понял!») А у Вани Маша, а у Маши Нюра, а у Нюры... и пошло и поехало. По секрету всему свету! Можно и ящик не запереть в служебном столе (какой чорт туда ползет?). Можно и на завод пустить любого желающего («Небось, не пушки/делам!»).

А чорт как раз и по-

лез. И «не пушки» наши тоже кое-кому пригодились. Были же у нас здесь, в Ташкенте, такие случаи.

Все мы знаем: боремся не на жизнь, а на смерть с заклятым нашим врагом. И фронт и тыл у нас едины — сколько раз на дню мы повторяем эту фразу! До конца ли мы ее понимаем?

Есть такая обывательская фраза: «А вам какое дело?» Нам до всего должно быть дело, если мы подлинно советские люди. И не забудем, сколько бед может наделать длинный язык! А ведь так просто на все вопросы отвечать, как тот паренек на трамвайной остановке: сорок! Сорок и дело с концом! Потому, что дважды два четыре!

А. РАСКИН

Ташкент.

«Легкая рука»

(Песенка)

Жил моряк врагам на зло.
Моряку всегда везло,
Спорилось в руках любое дело.
Говорила рота вся:
Он в тельняшке родился,
У него удачи без предела.

Говорят, что «легкая рука»
Была у молодого моряка.
Поступь широка,
Смелость велика
И к тому же — «легкая рука».

* * *

И в любви он был мастак.
Встретил девушку моряк.
Звали неприступной эту Женю,
Всех подруг она скромней...
Предложил он руку ей,
Вдруг она приняла предложенье.

Потому что «легкая рука»
Была у молодого моряка.
Поступь широка,
Смелость велика
И к тому же — «легкая рука».

И в бою он чорту брат:
Парню как-то автомат
Минные осколки разломали,
Тут фашист к нему ползком,
Он фашиста кулаком,
И фашиста поминай как звали.

Потому что «легкая рука»
Была у молодого моряка.
Поступь широка,
Смелость велика
И к тому же — «легкая рука».

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Действующий флот.

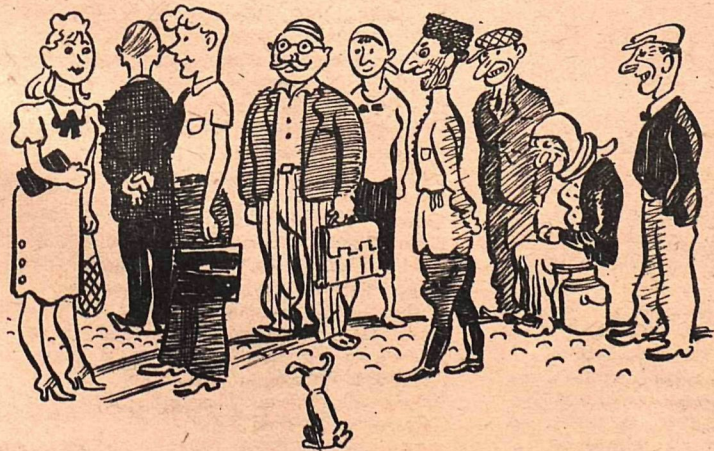

Рис. Бор. Ефимова

Младший унтер-офицер.

Старший лейтенант.

Фриц-автомат

(Сказка)

ПРИШЕЛ Гитлер к своему отцу — к немецкому чорту, — говорит:

— Батюшка, у меня к тебе покорнейшая просьба.

— Давай, сынок, выкладывай!

— Сделай ты мне такого солдата, — говорит Гитлер, — чтобы ни ума, ни совести, ни чести солдатской у него, ни синь-пороху не было, чтобы мог он только жевать да шагать. А по войну я батяню — сам знаешь, какую! С обыкновенными человеками мне, батюшка, ее и не вытянуть!

— Ладно, сынок, помогу!

Немецкий чорт в технике — дока! Взял он обыкновенного фрица и его опорожнил: мозги, сердце — все вынул. Вставил куда надо, машинки-чертовинки, душнул, плюнул — готово!

— Подучай, сынок, вот тебе фриц-автомат!.. Ни совести, ни чести, ни ума у него... Вой, сынок, но помни: есть в нем один секрет. Дай ухо...

И сказал немецкий чорт на ухо Гитлеру свой великий секрет.

Пошел фриц-автомат за Гитлера воевать.

Походя грабит, жуя охальничает, мирных людей мучает-убивает, над детишками изгойается.

Ума, совести, чести нету в этой чортовой игрушке. Одна у нее забота: шагать, чтобы жевать, и жевать, чтобы шагать!

Смажут его маслом, шнапсом-горючим зальют по самое горло — он и прет напролом.

Первые ряды крошат наши из пулеметов — вторые шагают.

Вторые крошат — вон они, третьи, уже идут!

Начальство наше думает:

«Надо в этой игрушке разобраться — что к чему. Вызвать Гришу Шилишперова, гвардии сержанта!»

— Разберемся, — говорит Гриша, — я тоже в технике кое-что понимаю: первым спецом считался в нашей колхозной МТС.

Взял он друга своего гвардейца Мишу Зарайского, взял ручной пулемет, винтовочки, гранат, сколько надо, всякого припасу и пошел на передовые.

Утром видят друзья: идут на них фрицы-автоматы. Видимо-невидимы! Шагают и жуют! Жуят и шагают!

Скосили Гриша с Мишей первый ряд — второй шагает.

Скосили второй — третий показался.

Третий свалили — четвертый пылит.

— Ишь ты какой сенокос! — говорит Гриша Мише. — А ну, еще давай!

Четвертый ряд скосили, пятый, шестой, девятый!..

Мишу ранили, Гришу, контузили, а они не уходят.

Косят и косят! Потом смотрят — поменьше как будто стало на поле фрицев-автоматов.

— А ну, давай штыками попробуем, — говорит Гриша Мише.

Поднялись они, пошли в штыки. Только нацелился Гриша Шилишперов, хотел одного фрица-автомата штыком в спину ударить, как вдруг у того руки сами собой вверх поднялись, он словно пищалика резиновая проверещал:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

А за ним и другие фрицы-автоматы руки подняли:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

Привел Гриша Шилишперов пленного в штаб, говорит:

— Вот, развинтите его и посмотрите!

Начальство вызвало профессоров, механиков, слесарей.

Развинтили они чортову игрушку, осмотрели, на весах каждую часть отдельно взвесили, потом обратно собрали.

Главный профессор сказал:

— Это, безусловно, чортовский механизм. Ничего человеческого во фрице-автомате не осталось, за исключением трусости. А трусость управляется особой кнопкой, каковая находится на животе. (Поблагодарим славного гвардейца Гришу Шилишперова, который нам этот чортов секрет открыл своим молодецким штыком.)

Наградили Гришу Шилишперова и Мишу Зарайского, и пошли друзья-гвардейцы опять на передовые. И теперь так: где гвардейцы стоят, там фрицы-автоматы не могут пройти, потому что гвардейцы стоят крепко и секрет немецкого чорта знают. А секрет простой: целясь в живот и бей в кнопку трусости. Хоть пулей, хоть гранатой, хоть штыком — чем сподручнее, тем и бей!

Леонид ЛЕНЧ

К НАЛЕТАМ НА

Пленные ра...

Эти анекдоты рассказаны пленными. Немецкие солдаты в окопах передают их друг другу на ухо...

Фрицы смеются — горек этот смех! Убийцы, грабители и насильники втихомолку хихикают над ничтожеством тех, кто послал их убивать и грабить.

До сознания коричневых олухов еще не доходит самый страшный анекдот — их собственная судьба: во имя бредовых идей тирольского шпика быть зарытым в далекой русской земле...

СУЩЕСТВЕННАЯ ПОПРАВКА

Однажды Геринг на самолете отправился лично обозреть результат бомбежек английского острова. Внизу проплывали груды камней — руины какого-то города.

— Ого! — воскликнул рейхсмаршал. — Мои молодцы тут славно поработали!

— Господни Геринг, — отвечал летчик, — это Кельн!

И ОН СТАЛ НЕУЗНАВАЕМ!

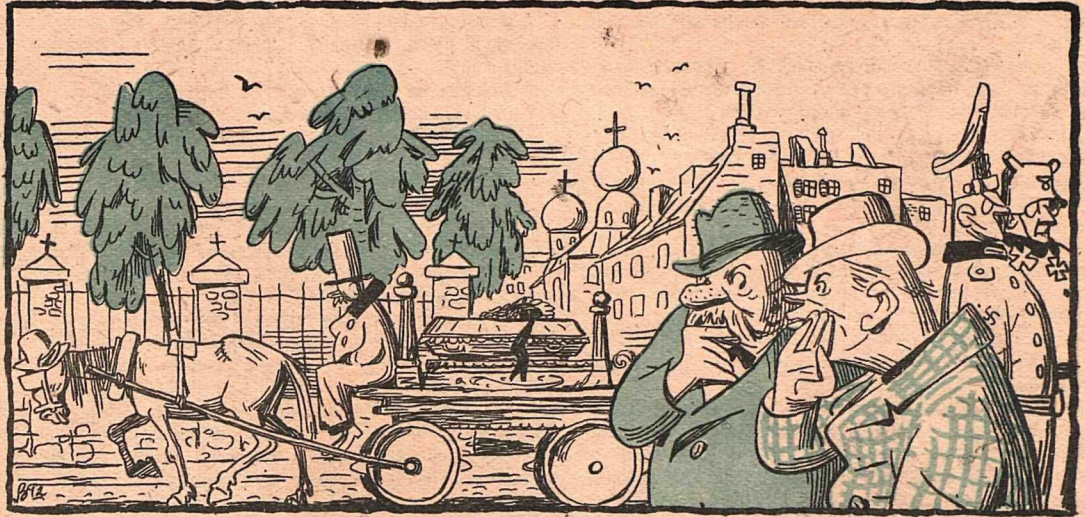
— Гейбельс решил посетить бал-маскарад. Знаешь, кем он наряжился?

— ?!

— Человеком!

В последнее время немцы убили несколько родственников венгерского диктатора Хорти.

Рис. Г. Валька

— Странно, не родственник Хорти, а умер.

Злая кровь

ОДИН гвардии сержант как-то разговорился с юдным военврачом 2-го ранга.

— Вот что вы мне скажите, доктор: у нас когда о донорах пишут, то всегда очень трогательно и возвышенно...

— И правильно. Они заслужили.

— Да я про это не спорю, — соглашается сержант. — Я даже сам люблю читать, когда кровь жены за тысячу километров попадает вдруг прямо к мужу и они мрут, потому что раньше поссорились. Или еще приятнее, когда какой-нибудь гвардии сержант — очень нашего брата литераторы теперь выводит любят! — во время отпуска разыскивает своего донора и без памяти влюбляется. Это все очень даже возможно и читать приятно. Нет, вы мне вот про что скажите: может ко мне что-нибудь от донора перейти?

— Плохо? Ничего! Ничего, кроме чистой крови, — говорит военврач. — Вы что, не знаете, что мы каждого донора осматриваем сверху, до низу, изнутри и снаружи? И даже если синяк у него где-нибудь или прыщ, то в этот момент кровь не берем. Это чтобы на температуру раненого не повлияло.

— Ерунда какая! — температура! — говорит сержант. — Я разве про это спрашиваю! Я вот про что: знаете, есть такое выражение — кто у него в крови? Так вот, представьте себе, донор мой — девушка и хохотушка при этом престрашная. Ха-ха-ха да хихихи с утра до ночи, и ночью даже посмеивается во сне. Это уж у нее в крови. И вдруг попадает к мне ее кровь, и я тоже начинаю ха-ха-ха и фыркать безо всякого повода. А мне это ни к чему. Я гвардии сержант. Или вот еще: вольют, представьте себе, кровь ют какой-нибудь ревнивой дуры. Разве таких не бывает? Сколько хотеть! И вот я, сроду не зная, что за ревность, вдруг делаю с таким современным Отелло с автоматом... Что вы на это скажете?

— Чуть несусветная! — говорит врач.

— Ну, тогда спасибо, — вежливо улыбается сержант, а сам думает: «Хотя врач и очень красноречивыми и убедительными словами опроверг мои доводы, но я почему-то при своем мнении. Но спорить не буду. Может быть, мне никогда ничьей крови занимать не придется, и тогда мне все равно».

Но случилось как раз иначе. В очень скором времени в одном бою гвардии сержанта ранили, и начал он это сознавать только уже через несколько часов на госпитальной койке.

Открыл он глаза и видит, что над ним знакомый военврач 2-го ранга, и врач кому-то говорит:

— Вот видите, щеки окрасились, в глазах — выражение. Что значит кровь!

«Вкачали мне, стало быть», — думает сержант. И ему стало приятно, что врач насчет выражения в глазах заметил. «Вот оно уже и сказывается», — думает он, — раньше многое чего во мне девушкам нравилось, но только не глаза. (Никогда в них у меня не было хоть

сколько-нибудь интересного выражения. А раз теперь оно есть, значит это от донора, не иначе».

И пока еще он не может разлепить губы, чтобы высказать интересующий его вопрос, лежит он в покое и тихо мечтает, что, может быть, его донор артистка с выразительными карими глазами, даже, может быть, заслуженная артистка. И начнутся у него теперь тоже всякие заслуженные замашки... Приятно.

Выздоровление пошло быстро. На другой день он уже голову начал поднимать и разговаривать пустился.

Пришел к нему военврач.

— Ну, поздравляю, — говорит, — справились молодцом. Может быть, вы интересуетесь, чью кровь получили?

— Очень даже.

Вышел врач, вернулся с записочкой и читает:

— «Город Пенза... Клеопатра Ивановна Басаврюк...»

Как только он это произнес, гвардии сержант так на подушку и покатылся, глаза завел, кричит:

— Ох, батюшки-светы, что вы со мной сделали?! Ой, скорей-скорей помогите! Немедленно выливайте всю кровь обратно!

— Чорта с два, — говорит врач.

— Ну, тогда я не знаю, тогда прысните мне какое-нибудь противоядие или еще чего-нибудь... Ведь этот донор, — господи! — ведь это же не женщина, а премучая змея! Это же моя собственная тетка, тетя Клепа! Ах-ах! Нет, я говорю — змея? Даже и не змея, а дракон! Ведь в ней одной столько злости, что на десять тысяч человек хватит! Уж кому знать, как не мне: она же меня в раннем детстве воспитывала. У нее еще такой пояс был, жесткий, как прут, розочки на нем бисером вышиты. Так она меня этими розочками лупцовала!

— Значит, не зря, — говорит врач, — очень из вас хороший парень вышел.

— Так разве это она?

— Ну, я там не знаю, — говорит врач, — а только ваша тетка! — прелестная женщина. Она еще тут к адресу две строчки приписала. Вот: «Будь здоров, бей врагов». И я бы на вашем месте написал ей письмо и в письме бы поклонился бы в ножки, потому что ее кровь вас спасла. А там — как хотите.

Не знало, кланялся гвардии сержант своей тетке в ножки или нет, а только, став на ноги, помчался он снова в бой, а после боя разыскал военврача 2-го ранга и говорит:

— Вот вы хоть и говорите «Чуть, чуть», а я вам скажу: не чуть, а так точно! После этого моего ранения и после вашего переливания злости во мне прибавилось в десять раз! И это, безусловно, не иначе, как теткина злая кровь играет. И вы меня не разубедите!

В. КАРБОВСКАЯ

А БУДАПЕШТ

Сказывают

НАХОДЧИВОСТЬ

Гитлер, Геринг и Геббельс угодили на небеса.

— Сколько раз ты врал в своей жизни? — спрашивает первого святой Петр.

— Один...

— Обегал вокруг неба. Ты, Геринг, сколько раз лгал?

— Два...

— Дважды обегал небеса.

Когда святой Петр обернулся к Геббельсу, того не оказалось: глава германского информационного бюро спустился на землю за мотоциклом.

РОКОВАЯ ОШИБКА

Однажды утром по Вильгельмштрассе ползла громадная противная черепаха. Мальчишки стали кидать в нее камни — и вдруг черепаха разорвалась бранью, заимствованной из последнего сообщения германского информационного бюро...

Оказалось, что это всего-навсего Геббельс. Шляпав кепку, он шел в министерство, и его просто не было видно из-под нее.

«На стреме» честности

ОБ ЭТОМ рассказал мне капитан Люба-
вин:

— Выбили мы немцев из К. Фрицы оста-
вили на подступах к селу много своей техни-
ки. В том числе несколько пушек.

Пушки, как пушки, ничего особенного. Но
смотрим — передки у орудий имеют одну
странную деталь: к каждому передку биче-
вой или тонкой проволокой прикреплен какой-
то люк.

Стали мы разбирать эти люки, а там оказы-
вается всякое мануфактурное и галантерейное
баракло — «кленги», кружево, ботинки, что
удобно для души.

Спрашиваем пленного солдата:

— Почему такое нововведение в немецкой
артиллерии?

Фриц самым серьезным образом отвечает:

— Это устроено для борьбы с воровством.
Уйдешь в атаку, оставишь свои вещишки в
блиндажке, а там их и содрут. Ну и прихо-
дится таскать с собой.

Последнюю фразу он произнес с большой
горечью. Дескать, вот они, тяготы войны! Не
успел украсть, так тебя же самого обкрады-
вают. Войю после этого!..

— Кто же у вас этим занимается?

Фриц удивленно взглянул на человека, ко-
торый задает такие наивные вопросы:

— Как это кто? Все.

Его спросили:

— А вы?

Фриц страшно обиделся:

— А чем я хуже других?

К рассказу товарища Любавина мы можем
добавить несколько ярких иллюстраций, на-
рисованных умелой рукой гитлеровского ге-
нерал-лейтенанта Граффера.

Иллюстрации Граффера изложены в прика-
зе № 58 немецкой дивизии. Приказ захвачен
нашей разведывательной группой под Петер-
гофом.

В первых строках своего письма немецкий
генерал-лейтенант пишет:

«За последние недели и месяцы в дивизии
сильно участились случаи воровства...»

У воров есть своя терминология. Когда до-
мушники очищают квартиру, один из них
стоит на улице для охраны. Это называется
«стоять на стреме».

Немецкий генерал-лейтенант Граффер стоит
же на страже честности, а «на стреме».

Он не против воровства вообще. Не такой
он мелочный человек, чтоб беречь чужое
добро.

Граффер не говорит своим солдатам:

— Прекратите воровство!

Это было бы равно тому, если бы он при-
казал:

— Фриц, перестань быть фрицем!

Граффер ставит вопрос по-иному:

— Воровать можете, но не друг у друга.

Друг друга обворовывать — это неэтично.

А среди уголовников есть своя мораль, своя
этика. Она гласит:

— Подлец тот, кто обегорит подлеца.

Приказ Граффера — это страничка из авто-
биографии самого Граффера. Скажи мне, кто
твой солдат, и я скажу, кто ты. Если сол-
даты — воры и бандиты, кто же их генерал?
Может ли быть атаманом воровской шайки
человек, обуреваемый идеями, обладающий
мыслями, добродетелью и пустыми карма-
нами?

Но чорт с ним, с этим гитлеровским ге-
нералом! Нас интересует не он, а его приказ,
потому что в этом красочном сочинении не-
мецкий генерал рисует портрет немецкой ар-
мии.

Итак, слово предоставляется их превосхо-
дительству командиру 58-й немецкой дивизии
генерал-лейтенанту Графферу. Внимание!

«Один стрелок, работавший в канцелярии,
присвоил себе денежные переводы, которые
должен был передать для роты».

Такие «стрелки» в дивизии Граффера — не
одиночки. Не хуже его «стреляет» и некий
предприимчивый «эфрейтор»:

«Эфрейтор похитил у своих товарищей поч-
товые посылки, отправляемые ими на ро-
дину».

Эфрейтор хорошо устроился. Зачем ему
беспокоиться, бегать по деревням, лазить по
нужным сундукам? Он не любит работать,
этот эфрейтор. Он предпочитает, чтобы дру-
гие за него работали. Не за воровство, а за
лень журило его в своем приказе генерал Граф-
фер.

Фрицы грабят и живых и мертвых:

«Старший эфрейтор присвоил себе пакеты
тяжело раненого товарища, вскоре умер-
шего».

«Другой эфрейтор из вещевых пакетов ра-
неных присваивал различные предметы. У

двух убитых товарищей он взял карманным
насы и три почтовые посылки».

Они по-своему рассудили, эти пока еще
живые немецкие эфрейторы:

— Мертвый в гробу мирно спи, жизнью
пользуйся живущий!..

Их жизнь — грабеж и воровство.

58-я немецкая дивизия до ее прихода на
Ленинградский фронт побывала в Польше.
Там фрицы тоже широко «пользовались
жизнью».

В том же приказе Граффера читаем:

«Солдат, выдающий бензин на военном бен-
зоскладе, продал 4600 литров полярку, за что
получил 4600 злотых. Деньги истратил на
свои нужды».

А до Польши 58-я дивизия побывала в
Бельгии. И там фрицы не дремали и время
даром не тратили:

«Один эфрейтор сломал замок, висевший
на военном гараже, и похитил 26 велосипед-
ных покрышек и камер, а также 10 кило-
граммов кожи. Он продал все это за 660
франков бельгийцу, полученные деньги истра-
тил на себя...»

Такое безобразие! Вместо того чтобы по-
делиться с начальством, этот мерзавец полу-
ченные деньги истратил на себя. Позор и
срам, господин эфрейтор!

А еще более стыдно тем, которые не толь-
ко не делятся краденным с начальством, но,
еще обкрадывают начальство. Это уж самая
низкая ступень падения.

Для господ офицеров привезли сигареты и
шоколад. Но не досталось офицерам ни си-
гарет, ни шоколада:

«При солдата, караулившие на станции,
выкрали из запломбированных вагонов 8 ящи-
ков с сигаретами и 500 плиток шоколада».

Эти строки в приказе Граффера проник-
нуты тоской и печалью. Простые солдаты
курят офицерские сигареты и едят шоколад!
Такие проступки не прощаются:

«Они приговорены военным судом к рас-
стрелу. Приговор приведен в исполнение».

Генерал Граффер крепко «стоит на стреме»
офицерского шоколада.

Но пусть не задается генерал-лейтенант
Граффер. Пусть не хвастается:

— Вот, мол, у меня какие лихие ребята!
Друг у друга подметки режут на ходу!

И именно для того, чтобы у Граффера не
закружилась голова от успехов, мы приведем
здесь всего две выдержки из приказа по
6-му армейскому корпусу, находящемуся на
Калининском фронте.

Этот приказ должен объяснить Графферу,
что и в других частях немецкой армии во-
ровство поставлено не хуже, чем в его ди-
визии. Там тоже есть лихие стрелки.

Вот что говорится в этом приказе:

«Три стрелка ворвались в полевую почто-
вую контору чужой дивизии и украли 16 по-
сылок».

«Стрелок, которому поручили передать по-
сылку, письма и газеты раненому товарищу,
использовал содержимое посылки для своих
нужд, а газеты и письма уничтожил».

Надо надеяться, что этот отважный стре-
лок, прежде чем уничтожить газеты, прочи-
тал там статью Геббельса, в которой он вос-
хваляет бодрый дух немецких солдат.

Дюже бодрый дух! Это подтверждают и
первые строчки приказа командира 256-й не-
мецкой пехотной дивизии генерала Вебера:

«За последнее время воровство в армии
возросло до ужасающих размеров».

Вот кто вторгся в нашу страну! Вот про-
тив кого воюет наш боец!

Вор на воре сидит, вор вора погоняет —
таковы немецкие дивизии и корпуса.

Генерал Граффер заканчивает свой приказ
скромной припиской:

«Этот приказ объявить частям и после
ознакомления уничтожить».

Пожалуйста, уничтожайте ваши приказы!
А Красная Армия уничтожает и будет унич-
тожать всю вашу фашистскую, грабительскую
шайку — и сочинителей приказов и «стрел-
ков».

Г. РЫКЛИН.

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Рис. Б. Фридкина

— Ну, как? Ты попрежнему слепо веришь Гитлеру?
— Нет, теперь, как замечаешь, я наполовину прозрел.

ИРОД: — Что я в сравнении с вами? У вас такая техника!..

Опыт М. П. Закутаева

ВЧЕРА наш сотрудник был принят председателем правления Качкинской промкооперации тов. М. П. Закутаевым, который сделал следующее заявление:

— По линии руководимой мною организации развернулась широкая кампания в части режима экономии. Мною создан специальный отдел по борьбе за экономию. Уже на этой стадии организационной перестройки мне удалось нащупать дополнительные ресурсы, оставшиеся до сих пор не использованными. Учитывая обстановку военного времени, я ограничил штат вышеуказанного нового отдела пятью работниками вместо намеченных планом шести человек, что уже сулит государству немалую выгоду.

Сотрудникам отдела я дал строгую директиву: не сидеть в канцелярии, а находиться в постоянных командировках, чтобы на месте изыскивать источники экономии.

Старший экономист тов. Пяткин, побывав в К. и обследовав в рекордный срок (24 дня) местную пугоничную артель, осуществил в ней ряд крупнейших мероприятий экономического порядка. Количество эксплуатируемых артелью керосиновых ламп сокращается в четвертом квартале на 28,7% по сравнению с

прошлым годом, что в абсолютных цифрах выразится в 2,17 лампоединицы. Предусмотренное финансовым планом артели ассигнование 16 рублей на остекление окон уменьшено на 63%. Что касается перевода артельного грузовика на газогенератор, то ввиду неясности проблемы тов. Пяткин распорядился временно законсервировать его.

Огромную работу проделал во время своего полуторамесячного пребывания в одном районе заместитель заведующего отделом по борьбе за экономию Н. П. Рыжиков. Выявив в этом районе наличие торфяных залежей, Нил Петрович научно доказал, что для эксплуатации голландской печки местной артели валяльного производства можно с успехом заменить дрова торфом. Вопрос этот сейчас прорабатывается, и я твердо надеюсь, что к концу второго квартала будущего года он будет разрешен в положительном смысле.

Жесточая борьба за экономию коснулась и руководимого мною аппарата. Сократив количество уборщиц ровно наполовину (вместо двух оставлена одна), я за счет полученной экономии пригласил консультанта, который знакомит меня с опытом, накопленным по этой линии за рубежом. Поскольку этот спе-

циалист свободно изъясняется на трех европейских языках, я спокоен, что ни одно мировое достижение в области экономии не ускользнет от меня.

Одно предложение, подсказанное моим консультантом, уже внедряется в жизнь. Я имею в виду клей, на который мой аппарат расходовал ежемесячно около 12 рублей. Начиная с 1 октября мы отказались от этого остродефицитного и дорогостоящего материала и перешли к изготовлению клея своими силами и средствами из ржаной муки. Опыт показал, что полученный нами продукт несколько не уступает фабричному, а в отдельных случаях даже превосходит его.

Разумеется, мы охватили борьбой за экономию далеко не все участки. Но горячий энтузиазм, которым я лично охвачен, — лучшее свидетельство того, что мы не остановились бы на полпути. К сожалению, в эту самую минуту вмешались органы госконтроля. Созданный мною отдел ликвидировали, консультанта с тремя языками сократили, а заодно сняли и меня.

Не дали возможности довести мою борьбу за экономию до конца...

И. ВЕРХОВЦЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд.-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 718

Подл. к печати 21/IX 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А61645.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 2580.

Тираж 200 000 экз.

20

ОБЯЗАТ. ЭКСПОЗИЦИЯ

29 СЕН

РЯД ВЕСЕЛЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

2299

Рис. Н. Радлова

Июль 1941 года.

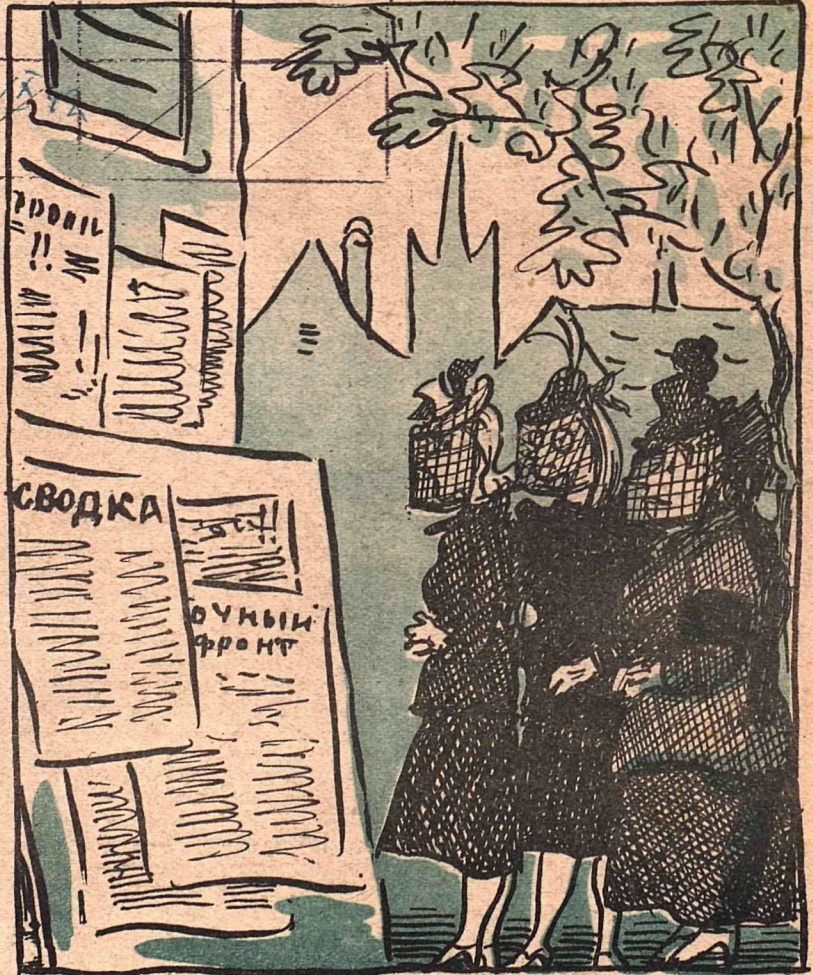
Декабрь 1941 года.

Получ.

30/12

Апрель 1942 года.

Сентябрь 1942 года.